

АЛЕКСАНДР ПЕБЕДЕВ

**ПЕНСИОННАЯ
КНИЖКА**
СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР
ЛЕБЕДЕВ

**ПЕНСИОННАЯ
КНИЖКА**

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
«ОБРАЗ»
2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л 33

В оформлении книги использованы
авторские иллюстрации

Л 33 Лебедев, Александр Валентинович

Пенсионная книжка: избранные стихотворения / Александр Лебедев. — Москва: ОБРАЗ, 2018. — 196 с.

ISBN 978-5-9500927-4-9

Выход «Пенсионной книжки» стихов Александра Лебедева приурочен к шестидесятилетию поэта. Его стихи — это высокая литература естественной природы, в которой одно слово вытягивает из вселенского небытия другое, а под первым смысловым пластом оказывается второй (а иногда и третий). В стихах Лебедева почти всегда всё больше, чем кажется на первый взгляд.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Возрастные ограничения: 21+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

Некоторые произведения публикуются в авторской редакции. Присутствует обценная лексика. Мнение издательства может не совпадать с позицией автора.

ISBN 978-5-9500927-4-9

9 785950 092749

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

© Александр Лебедев: стихи,
графика, 2018
© ОБРАЗ: оформление, 2018

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

У АЛЕКСАНДРА ЛЕБЕДЕВА много друзей. Он их любит, он ими гордится. Среди них немало медийных персон, а некоторые так просто знамениты. Настолько, что любой залётный гость Арбата по фотографии безошибочно распознает звезду: Градский! Якубович! Калинин! Гвердцителли! Между тем, распорядись судьба иначе, вполне могло бы сложиться так, что пусть не первый встречный житель столицы, но студент-гуманитарий уж точно на этих дружеских снимках в первую очередь узнавал бы поэта: «Да это же Александр Лебедев и... кажется, ведущий какого-то телешоу!» Но вышло так, как вышло. В небольшой степени из-за того, что сам Александр Лебедев всегда относился к собственному таланту нарочито легкомысленно, как будто боясь его и не зная, что делать с этим божьим даром.

Выход юбилейной «Пенсионной книжки» призван наконец расставить всё по своим местам, доказав культурной общественности (а друзьям и доказывать ничего не надо), что перед нами большой неизвестный поэт с судьбой успешного кинопродюсера. Но — сначала поэт.

Признаюсь, составлять канонический корпус избранных произведений Александра Лебедева было невероятно легко: похоже, сама жизнь (не без помощи близких друзей, разумеется, и прежде всего благодаря стараниям Александра Раппопорта, издателя первой книги, выпшедшей неожиданным подарком к пятидесятилетию поэта) сделала этот редакторский отбор, оставив из сотен стихов, небрежно записанных буквально на салфетках и оборотках деловых бумаг, только самое-самое... Возможно, не всё, что достойно литературных анналов, сохранилось, увы, но то, что сохранилось, — точно достойно.

Мне очень близок поздний, или «очень зрелый» (если иметь в виду название одноимённого цикла), Лебедев. В этих стихах поэт окончательно избавляется от спасительных эвфемизмов и полунамёков: теперь он открыто пишет о болезненно насущном, вынося приговор (по бессрочному праву поэта!) — себе, своему поколению, всей стране, любимой и несчастной...

Поэзия Александра Лебедева — это высокая литература естественной природы, в которой одно слово вытягивает из вселенского небытия другое, а под первым пластом смысла обнаруживается второй. В его стихах всё почти всегда несколько больше, чем кажется по первости. Уверен, книжный эстет испытает экстаз... ну хорошо-хорошо, по крайней мере наверняка оценит виртуозную звукопись, скрытые и явные аллюзии и изящные фонетические переливы:

**Как слежалось — так лежит,
как сложилось — так живётся,
как слажалось — так споётся —
мудрый малым дорожит.**

И хотя Лебедев обещает друзьям наложить вето на «предчувствие беды», у него, разумеется, ничего не получится. Потому что поэт-провидец не властен над собой. Полагаю, перечитывая наутро написанное, он давно уже не столько радуется («Родился гений» — на манер «Ай да сукин сын!»), сколько содрогается от «выверенного вещего бреда», от острого ощущения фатальности жизни, от понимания того, что сделан ещё один шаг к бездне. Но, может, только эта бездна и дарует бессмертие?

С большим юбилеем, Поэт!

ЭД ПОБУЖАНСКИЙ,
поэт, главный редактор издательства «Образ»

«НИ СДАТЬСЯ, НИ ОСТАНОВИТЬСЯ...»

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЯВЛЯЛА СОБОЙ конфликт героя с роком. Последний был предопределён совокупностью личной и родовой судеб, нежеланием героя подчиняться воле богов и нести ответственность за провинности предков. В конфликте этом боги всегда торжествовали, а герой погибал, наказанный за проявление свободной воли. Похоже, что Александр Лебедев выучил этот урок: его поэтическое *alter ego*, его лирический герой доволен своей несложившейся судьбой и верит в её заслуженность. И, в общем, не очень стремится её изменить.

Стихи Александра Лебедева на протяжении более чем тридцати лет отличаются абсолютным тематическим постоянством: это предчувствие беды, её неизбежность для самого автора, в то время как его друзья ждут успех и счастье.

Для тех, кто лично знает поэта — весёлого, шумного, балагуриющего, — это особенно странно. Ещё в самых ранних стихах Лебедева преследует ощущение, что судьба его и жизненный путь предопределены кем-то другим: «Тот, кто пускает нас в аллюр, заводит наших дней куранты», «Уже прохладой веет от предстоящей ночи...» или «Другой судьбы нам не дано с тобой рядком пройти по проволоке жизни...» Судьба дана свыше, и Лебедев не может ничего в ней изменить. Да и не хочет: «Нам славно жить, нам славно, но не очень, узнавшим завтра днём позавчера». Судьба положена ему силой свыше, бороться с нею он не собирается и готов найти счастье в этой покорности не им избранного пути: «Обычной изжогой типичный закончится день, привычный, пологий, как наша наличная лень... И если дано нам с расчётом ещё потянуть, не станем мы стоном поганить оставшийся путь». Не бороться с судьбой, а принять

её, и обосноваться в ней, и попытаться её полюбить. Так же любит он и Родину, ведь она дана ему судьбой.

Но совершенно по-другому видит Лебедев судьбы своих друзей: они все талантливы, активны, и всех их ждут успех и счастье. Его ранние стихи, посвящённые Борису Юхананову, можно отнести к самому поэту, щедрому на похвалу тем, кого он любит: «И пел, и кричал, и дарил не считая: поэтам — „Великий!“, девицам — „Святая!“». Но Лебедев тут же оговаривается: Юхананов «верил в удачу», которая не имеет отношения к автору: «Он пел, он кричал, он творил напролом. А мне поделом, поделом, поделом...» Его судьба сделана не им, за него, дана ему; и всё, что он может, — это принять её и прожить, не вступая с ней в битву: «Но и в крови, устав от стога, судьбу не смеем упрекнуть...». Упрекнуть не смеем, не то что изменить: «Как сложалось — так лежит, как сложилось — так живётся...»

Друзьям же предназначен иной удел: «Ты лучше дострой, доиграй и допой всё то, что затеяно было тобой», — желает он Александру Градскому и твёрдо верит, что так и случится: «И будет опять принимать на ура поэта стареющая детвора».

Практически все его стихотворения посвящены друзьям и любимым женщинам: он и творит, и живёт для других. Лебедев постоянно ощущает неразрывность своей жизни с жизнями близких: «Моя вина — ты яму рыл один, но нам судьба в неё свалиться вместе...» Его любимые местоимения «мы», «нам», «наши»: «Нашу жизнь не относим к разряду утех... Нам придётся тянуть капиталь наших дней... Мы забудем названия... Мы останемся гордыми... Нам досталось тащить...». Это ощущение общности, единства с другими удивительно для поэзии, которая обычно — о личном, сокровенном, необщем. И при этой множественности, неединичности лирического субъекта поэзия Лебедева отличается интимностью тона обращения

к читателю: «Соберите меня по кускам, по сердцам постаревших друзей...», «Оглянись, обманись, обожгись первоцветом...». И потрясающие по трагизму стихи, обращённые к погибшему брату Тимур: «Оборвалось, обломалось, докатилось до беды. Эта жизнь такая малость, что и не заметил ты...»

В одном из ранних стихов Александр Лебедев писал: «Как удачно сложилось, что сложилось случайно...» Не случайно, Саша, сам всё и сложил. И жизнь свою живёшь сам — нам на радость. Ты наша надежда на бессмертие юности, о которой ты сказал: «Наша юность и память нам слаще любого вина, и с годами бокалы у нас не становятся суше». Потому что у нас есть ты. И потому что, как ты написал когда-то Александру Раппопорту, «...нам уже нельзя ни сдать, ни остановиться».

Олег РАДЗИНСКИЙ

НЕ УПРЕКАЯ СУДЬБУ*

СУДИТЬ ВСЯКОГО АВТОРА следует по законам, которые он сам себе вменил в обязанности. Это следует учесть обязательно при рассуждении о книге стихотворных посланий Александра Лебедева. Каждое стихотворение этой книги не только посвящено определённому лицу, но обращено к нему, что совсем не одно и то же. В глубине таких посланий просматриваются некие отношения, даже коллизии, борьба чувств, связывающие автора послания и его адресата. Коллизии эти дружеские, или любовные, или приятельские, но они вовсе не однозначны. Зачастую они полемичны, даже задиристы. Кроме того, стихи эти — исповедь самого поэта. Исповедь, в которой главные ноты драматичны, пронизаны ностальгией иногда до степени надрыва, а порой до горестной отрешённости.

Но ведь прошлое — единственный реальный материал. Задача только в том, чтобы облечь его в формы, присущие самой поэзии. Поэт должен сам определить свою эстетику, чётко представлять, как должно многомерность смысла отразить чисто поэтически. Мне кажется, что в лучших своих вещах Александр Лебедев делает это выразительно, образно и ярко. Несколько его стихотворных посланий просто превосходны («От суеты не откреститься...», «Государыня без царства», «Соберите меня по кускам...», «Обмани меня лестью, обмани золотую блесною...»), а оценивать поэта следует по лучшему, по его удачам. А лучшее, что есть в этом сборнике, поднимается над частным, конкретным поводом посланий и становится про-

* Впервые статья опубликована в книге: Александр Лебедев «Избранное» (Москва, 2008). Печатается в сокращении.

сто хорошим стихотворением. А то, что в подтексте такого произведения лежит некая человеческая конкретность, придаёт ему глубину и многомерность.

Судя по датам, эти стихи охватывают значительный временной промежуток: тридцать лет, треть столетия... Однако они скрепляются единством интонаций, неким всем им предшествующим и в них слышным размахом, единством лирического переживания. Это определяет и всю поэтику — чёткую, внятную и порой стремительную. Далёкие образы смыкаются в единое целое, не требующее буквальной расшифровки, но в своей естественной чистоте и простоте вполне убедительное. Многие стихи обладают сильным и точным дыханием, да и весь поэтический корпус этой книги, несмотря на сужающий границы жанр посвящений, обладает резким и, я бы даже сказал, выстраданным звуком. А звук — самая важная вещь в стихах.

**Пусть бабочка летит на лампу
По неизученной кривой
И ударяется о рампу
Умерший Гамлет головой.**

В стихотворении «От суеты не откреститься...» упоминаются и «Синяя птица», и «Недоносок» (из Баратынского), и Паганини, и Мадонна, и всё же его не назовёшь литературным, слишком отягощённым культурными аллюзиями. Это опять же лирический монолог с разнородными отроутками, сходящимися к одной цели. Когда эта цель достигается в конце произведения, то понимаешь, что победителя не судят. Мне кажется уместной именно для нашего времени такая литературность. Ведь культура давно стала частью общечеловеческого исторического пейзажа. Это стихотворение — несомненная удача. Стихи Александра Лебедева ещё раз подтверждают

не новую мысль о том, что главное в стихах — не содержание, а содержательность, и она у него глубокая и, что мне кажется важным, незаёмная, она — продолжение его души и плоти. Это подтверждается на многих страницах книги.

В стихах Александра Лебедева есть одна тонкость: они тяготеют всё-таки к миру свободной, на саму себя опирающейся лирики. Не следует забывать, что высшие формы поэзии, безусловно, отделяются от рефлекторной способности к стихописанию. Всё великое в мировой поэзии — это некий особый проект, подразумевающий купол идей и традиций над отдельными опусами. Тот, что Бродский условно называл «величием замысла». Тот, что Бунин идеально сформулировал: «Поэзия не в том, что мир поэзией зовёт, она в твоём наследстве, чем ты богаче им, тем больше ты поэт...»

Поэта должно судить по его собственным законам. Лебедев, почти безупречно владея стихом, как будто специально усложняет поставленную перед самим же собой задачу, искусственно ограничивая выражение своих поэтических качеств, используя только форму поэтических посланий-посвящений, которым всегда присуща некоторая театральная условность.

Это небольшое собрание стихотворений Александра Лебедева, несомненно, поэтическая удача. Оно представляет жизнь поэта и мир поэта в формах уже найденной им гармонии. Ирония и драма самого стиха здесь выразительнее, чем они, возможно, существуют в жизни. Не это ли главная задача поэзии?

Евгений РЕЙН

*Моим родителям
посвящается...*

ПЕНСИОННАЯ КНИЖКА

* * *

Александрю Раппопорту

Майолика тбилисских лиц,
цветная вязь прицельных улиц...
Мой друг, сегодня мы проснулись,
и вскрикнули, и ужаснулись,
как быстро мы сыграли блиц.

Наотмашь лупит по глазам
прохожей барышни улыбка,
и слышится с балкона скрипка,
и в том уже твоя ошибка,
что скрипачом не стал ты сам.

Ты видишь, падает флажок
прожорливой грузинской ночи.
Где тот толковый переводчик,
что «зенки» переводит в «очи»
и поутру трубит в рожок?

Но поздно жертвовать ферзя
и пешкой к подвигу стремиться:
за блицем блиц не повторится,
заплачет мать, забьётся птица,
и выпьют горькую друзья
за то, что нам уже нельзя
ни сдаться, ни остановиться.

РАННИЕ

(1976 – 1990)

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Не осуди меня, мудрейший муж,
за скудность мысли,
 низменность стремлений:
на перекрёстке мёртвых поколений,
недюжий, взяться не сумел за гуж.

Не осуди за немоту, смельчак,
тогда не воспою Богоявление —
не трусость это, это мета лени,
как лилия на чистоте плеча.

И женщина, которая нашла
со мной уютный кров среди ненастья,
не осуди за невозможность счастья —
меня судьба и этим обошла.

Ни друг, ни враг меня не осуди —
за все грехи уже пришла расплата:
мне дом любой — больничная палата,
и санитарка рядом не сидит.

1976

ХВОРЬ

Марии Оганисян

Не охрой на щеках,
 не хрипом рыхлых бронхов
однажды хворь
 себя явила мне,
не звоном
 в барабанных перепонках,
не дьяволом в окне.

Не болью, не тоской,
 но непокорной ручкой,
что не могла никак
 простой закончить путь
и строчку от
 заглавной протянуть
через меня
 и ограничить точкой.

Цедилась осень в мозг,
 жила строка,
и пульсом осыпалась минута,
и строчка крепла,
 точкой непригнута,
ей покорялась
 ручка и рука.

Строка жила и крепла от меня,
всю кровь мою
 в себя перегоняя,
всю силу от
 меня перенимая,
питалась жаром моего огня.
Такая хворь:
 когда в себе как вор
ты шарить, не находишь,
 но случайно
на самом дне
 в заветной чашке чайной
находишь золото —
 улыбку, разговор,
привет, укор,
 порог родного дома,
и можно взять,
 но слышатся шаги...
Ты вор, чужак, пугайся и беги,
«скрывайся и молчи»,
 и снова, снова...
Такая хворь,
 таков закон строки,
дающей роды в радостном страданье,
дающей осознанье мирозданья,
добра и зла
 и пишущей руки.

1978

* * *

Глухомань моя, глухомань,
сколько лет плачу тебе дань,
не кляню в себе твой туман,
не браню тебя за обман,
не прошу тебя: «Перестань»,
не молю тебя: «Не тирань».
Хоть на Красной площади встань:
глухоград вокруг, глухомань.
Глухоболь моя, глуховерть,
недожизнь моя, недосмерть.
От знамён твоих и погон —
Шереметьевский рубикон,
но не выхожена рань,
но не выплачена дань,
и я ставлю себя на кон
за тебя, моя глухомань.

1978

* * *

Илье Быкову

Всё будет, как сказочной осенью той:
холодное пиво в бутылке витой,
уснувший фонтан, как стареющий паж,
и солнечный полдень, и сад «Эрмитаж»,
и мы на скамейке, и пиво, и час
прощанья ещё не назначен для нас.
Ты тянешь пивцо, мой измученный друг,
ты знаешь: мигреней смыкается круг.
И будет бледнеть от удушья лицо,
и шею Садовое сдавит кольцо,
и ты переступишь и вырвешься вон
от чёрных пророчеств московских ворон
туда, за кордон, в суету, в пустоту,
на риск и на счастье, и мне на беду.
Ты тянешь пивцо из бутылки витой,
меня примиряешь с моею бедой.
И солнечный полдень, и пиво, и час
прощанья ещё не назначен для нас...

1979

* * *

Василию Буйлову

Уже прохладой тянет
от предстоящей ночи,
и небо кровоточит
закатом на дома,
а мы сидим на опере
и в ложе, между прочим,
и нас морочит оперный
поющий Сатана.

А ночь уже с окраин
наш город помечает,
на зданиях срезает
восьмые этажи.
А мы сидим на опере,
и мы не замечаем,
что в нас не бутафорские
направлены ножи.

Но вот уже закончен
 спектакля акт последний,
и паля белых буклей
 актёрами снята,
выходим мы на улицу
 и видим: кто-то бледный
по-оперному падает,
 да опера не та...

А ночь уже на город
 тяжёлой давит грудью,
и студит тихий город,
 и хочет застудить.
На улице к упавшему
 спешат чужие люди:
благодарят, и хлопают,
 и просят повторить.

1979

ПЕЙЗАЖ,
КОНЕЦ СЕМИДЕСЯТЫХ

Москва, Петровка, старый дед
на мир ругается гневливо.
Он у ларька, где надпись «Пиво»,
а ниже подпись: «Пива нет».

О старый дед, хоть ты не брит,
но благоденствен, как бойскаут,
и пригласить на светский раут
тебя бы мог надменный бритт.

Тебя бы бойкий мог француз
позвать в шикарные салоны:
у них в ходу одеколоны,
а ты их пробовал на вкус!

Но через час придёт *она*,
владычица ларька пивного,
и станешь ты спокойным снова
пейзажем в контуре окна...

1970-е

БЕЛАЯ ПАННА

Барбаре Галух

О вздорная белая панна,
не Каин тебе и не Каня,
вчера ещё теплая ванна,
а завтра — кровавая баня,
вчера — полонез до упаду,
а завтра — шпичрутенов марши...
Забыла бы панна браваду,
не знала бы панна параши.

О бедная белая панна,
краснеет балтийская пена,
не встанут под гром барабана
герои твои с гобелена,
твои кавалеры не встанут,
не крикнут гусары: «По коням!»,
и диких сынов Чингисхана
нагайками вон не погонят.

Но короток век у тирана,
и горе былого — не больше...
Не плачь, моя гордая панна,
живи, моя вечная Польша!

1980

ВНИМАНИЕ!

В Сети представлена демоверсия книги
Александра Лебедева "Пенсионная книжка".
Приобрести печатную версию сборника (премиальное
издание: твёрдый переплёт, бумага повышенной
плотности, нестандартный формат,
выборочная УФ-лакировка обложки,
шёлковая закладка, 196 страниц)
можно по рекламной цене
в интернет-магазине издательства

КУПИКНИГУ.РФ